

Публикации аспирантов

УДК 821.161.1.09

Милованова Т.С.
Московский государственный
областной университет

**ПРОБЛЕМА «ЛЕРМОНТОВСКОГО ЧЕЛОВЕКА» В СВЕТЕ ПУБЛИКАЦИЙ
В ЖУРНАЛЕ «ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ЗАПИСКИ» 1839-1841 гг.***

Аннотация. В статье рассматриваются произведения Лермонтова, опубликованные в журнале «Отечественные записки», в сравнении с другими публикациями того же времени. Выявляется сходство затрагиваемых тем и проблем: творческая личность и толпа, смысл жизни, соотношение судьбы и свободной воли. Утверждается оригинальность лермонтовского решения данных проблем. Дается типология подходов к изображению личности: от возвышенного и трагического (романтические стихотворения и повести) до сатирического («светские повести»). Однако творчество Лермонтова не совсем укладывается в эту классификацию, т. к. в нем соединяются оба подхода, погружая своего трагического героя в светский быт.

Ключевые слова: «лермонтовский человек», творческая личность, проблема личности, философская проблематика, поэт и толпа, «чистое искусство», предназначение человека, цель и смысл жизни, свобода, судьба, светская повесть, романтизм.

T. Milovanova

Moscow State Region University

THE PROBLEM OF "LERMONTOV'S MAN"
IN THE ASPECT OF PUBLICATIONS IN
"OTECHESTVENNYE ZAPISKI" MAGAZINE

Abstract. The article considers the comparison of Lermontov's works, which were published in "Otechestvennye zapiski" magazine in 1839-1841, and other publications of that period. This comparison reveals resemblance of themes and problems, such as: the personality

of creator, purpose and meaning of human life, destiny and free will. The author states that Lermontov's decision of these problems was original. The research describes several approaches of the character's portrayal: from eminent and tragic romantic character to the satirical description of man of fashion. But Lermontov's works do not fully fit this classification, because he unites both ways of portrayal, placing his tragic character inside the fashion life.

Key words: "Lermontov's man", the personality of creator, the problem of personality, philosophical problems, poet and crowd, pure art, the intent of man, purpose and meaning of human life, freedom, destiny, romanticism, novel about people of fashion.

Когда в 1839 г. А.А. Краевский возобновил издание «Отечественных записок», Лермонтов был одним из первых авторов, начавших сотрудничать с ними, и «оставался их неизменным и ведущим участником до дня смерти. За два с половиной года поэт напечатал здесь около 30 стихотворений, в их числе «Дума», «Ветка Палестины», «Поэт», «Три пальмы», «Дары Терека», «Журналист, читатель и писатель» и др. В «Отечественных записках» впервые появились «Бэла», «Фаталист», «Тамань», вошедшие затем в состав «Героя нашего времени» [1]. Однако успех журнала обеспечивал не только Лермонтов. И.И. Панаев вспоминает: «Отечественные записки» подняли шум в литературных кружках. И немудрено. В этих книжках явились: Лермонтов со своею «Бэлою» и несколькими стихотворениями, Кольцов с своими «Песнями», граф Сологуб с своими «Калошами», князь Одоевский с «Княжною Зизи» и так далее» [2]. Но, кроме этих известных писателей и поэтов, в журнале печатались и другие, ныне забытые авторы, чьи произведения

* © Милованова Т.С.

Статья подготовлена при финансовой поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 гг., ГК №2406 от 18 ноября 2010 г. «Религиозно-этический и философский потенциал поэзии М.Ю. Лермонтова».

тоже создавали литературный фон эпохи и тоже в какой-то мере отражали представление того времени о человеке. Печатались в журнале и философские статьи, в которых в числе прочих вопросов затрагивались и вопросы человеческой личности. Таким образом, «лермонтовский человек», будучи порождением своей эпохи, имел точки пересечения и с образами людей у других писателей, и с философскими концепциями личности. Кроме того, публикации Лермонтова в «Отечественных записках» как бы ставили «лермонтовского человека» в один ряд с другими героями времени, давая читателю возможность сопоставлять их. Разумеется, это обогащало и усложняло читательское восприятие «лермонтовского человека».

Авторов 1830-х – начала 1840-х годов в первую очередь интересует человек как творческая личность. Многочисленные стихотворения, рассказы, повести, статьи по философии, этике, эстетике – все это сконцентрировано на проблеме художника, творца. Сам процесс творчества рисовался как нечто выходящее за пределы обыденного человеческого опыта. Например, в №4 за 1839 год напечатано стихотворение Л. Якубовича «Проявление мысли»:

*Был ранний час утра. Густо висели на небе
Мрачные тучи, что горные выси Кавказа;
Вот появились змеи; вокруг облаков
Улеглись, которые в злобе еще почернели;
Вот более, более все алеют изгибы
Змеистые в небе. Вдруг искра... пожар на
востоке...
Круг золотой показался... растет и растет,
И растет, в шар превращаясь огромный: то
солнце!
Буря шумит; в воздухе ветер пробегает;
Флаги на мачтах хлопая бьются; деревья,
Как адские тени, главами шумят и махают;
Тучи силятся скрыть вставшее солнце, –
Тщетно! Им ли закрыть сего великана?...
Так в веке невежества гений, родяся, сияет,
И царствует мир посреди гражданской
крамолы [3].*

Проблема «проявления мысли» занимала и Лермонтова, однако он дал ей более земное изображение, связав философскую проблему творчества с судьбой конкретного поэта, близкого по духу ему самому. В стихотворении «Журналист, читатель и писатель», опубликованном в № 4 «Отечественных записок» за

1840 г., он показывает два способа творческой деятельности, по сути, два типа отношения поэта к миру. Первый – это восторженное принятие мира, ощущение радости бытия:

*О чем писать? — бывает время,
Когда забот спадает бремя
Дни вдохновенного труда,
Когда и ум и сердце полны,
И рифмы дружные, как волны,
Журча, одна во след другой
Несутся вольной чередой.
Восходит чудное светило
В душе проснувшейся едва;
На мысли, дышащие силой,
Как жемчуг низжуются слова.
Тогда с отвагою свободной
Поэт на будущность глядит,
И мир мечтою благородной
Пред ним очищен и обмыт,
Но эти странные творенья
Читает дома он один,
И ими после без зазренья
Он затопляет свой камин.
Ужель ребяческие чувства,
Воздушный, безотчетный бред
Достойны строгого искусства?
Их осмеет, забудет свет... [4]*

Второй – это обличение пороков окружающей действительности:

*Бывают тягостные ночи:
Без сна, горят и плачут очи,
На сердце жадная тоска;
Дрожа, холодная рука
Подушку жаркую обгемлет;
Невольный страх власы подгемлет;
Болезненный, безумный крик
Из груди рвется – и язык
Лепечет громко без сознанья
Давно забытые названья;
Давно забытые черты
В сияньи прежней красоты
Рисует память своевольно:
В очах любовь, в устах обман —
И веришь снова им невольно,
И как-то весело и больно
Тревожить язвы старых ран. —
Тогда пишу. — Диктует совесть,
Пером сердитый водит ум:
То соблазнительная повесть
Сокрытых дел и тайных дум;
Картинны хладные разврата,
Преданья глупых юных дней,
Давно без пользы и возврата
Погибших в омуте страстей,
Средь битв незримых, но упорных,*

*Среди обманщиц и невежд,
Среди сомнений ложно-черных
И ложно-радужных надежд.
Судья безвестный и случайный,
Не дорожа чужою тайной,
Приличьем скрашенный порок
Я смело предаю позору;
Неумолим я и жесток...
Но, право, этих горьких строк
Неприготовленному взору
Я не решаю показать... [II, 74-75]*

Здесь поэт пишет не только по велению сердца («на сердце жадная тоска»), но и по велению долга («диктует совесть»); он не просто фиксирует свои чувства, но и анализирует их («пером сердитый водит ум»). Характерно, что и в том, и в другом случае поэт отказывается выставлять свои творения на суд света.

Этот мотив часто встречается в стихотворениях, опубликованных в «Отечественных записках» в тот период, когда с журналом сотрудничал Лермонтов. Например, в № 2 за 1840 год напечатано стихотворение «Собира-телям моих элегий» за подписью «Ф.». Лирический герой здесь впадает в такое отчаяние от невозможности быть понятым светом, что даже решает отказаться от поэтического слу-жения:

*Я не поэт! Страстей могучих лава
В груди моей давно уж не кипит!
Не соблазнит меня поэтов слава,
И крик друзей не соблазнит.*

*Нет, никогда на суд пустому свету
Я не пойду с моей тоской:
Давно уж я позвал себя к ответу,
Давно расцелся сам с собой [5].*

В № 3 за 1840 год поэтесса, подписавшаяся как «-ва», тоже призывает поэта не вы-ставлять свои творения напоказ:

*Нет, не им твой дар священный!
Нет, не им твой чистый стих!
Нет, ты с песнью вдохновенной
Не пойдешь на рынок их!*

*Заглушишь ты дум отзвывы,
И не дашь безумцам ты
Толковать твои порывы,
Клеветать твои мечты.*

*То, чем сердце трепетало,
Сбережешь ты от людей;
Не сорвешь ты покрывала
С девственной души своей.*

*Тайну грустных вдохновений
Не узнают никогда;
Ты, как призрак сновидений
Пронесешься без следа.*

*Безглагольна перед светом,
Будешь петь в тиши ночей:
Гость ненужный в мире этом,
Неизвестный соловей [6].*

Восприятие света как «рынка» и сочи-тельства в угоду свету как «торговли» харак-терно и для Лермонтова.

*Не унижай себя. Стыдися торговать
То гневом, то тоской послушной,
И гной душевных ран надменно выстав-лять
На диво черни простодушной [II, 45], –*

призывает он «мечтателя молодого» в сти-хотворении «Не верь себе».

Но о чем же в таком случае следует писать поэту? В.Г. Белинский, увлекавшийся в то время философией Гегеля, отстаивал в своих статьях принцип «чистого искусства»: «Не такова истинная поэзия: ее содержание не вопросы дня, а вопросы веков, не интересы страны, а интересы мира, не участь партий, а судьбы человечества. Не таков художник: в дивных образах осуществляет он божест-венную идею для ней самой, а не для какой-либо внешней и чуждой ей цели. <...> Вдох-новение художника так свободно, что сам он не может повелевать им, но повинуется ему, ибо оно в нем, но не от него. Он не может вы-бирать тем для своих созданий, ибо без его ведома возникают в душе его таинственные явления, которые показывает он потом на диво миру» [7]. Бунтарские настроения в поэ-зии он отрицает: «Все, что есть, то необходи-мо, разумно и действительно. Посмотрите на природу, прикиньте с любовью к ее мате-ринской груди, прислушайтесь к биению ее сердца – и увидите в ее бесконечном разнооб-разии удивительное единство, в ее бесконеч-ном противоречии удивительную гармонию. Кто может найти хоть одну погрешность, хоть один недостаток в творении предвечного Художника? Кто может сказать, что вот эта былинка не нужна, это животное лишнее? Если же мир природы, столь разнообразный, столь, по-видимому, противоречивый, так разумно-действителен, то неужели высший его – мир истории есть не такое же разумно-действительное развитие божественной идеи, а какая-то бессвязная сказка, полная случай-ных и противоречащих столкновений между

обстоятельствами?.. И однако ж, есть люди, которые твердо убеждены, что все идет в мире не так, как должно. <...> Отчего они заблуждаются? Оттого, что свою ограниченную личность противопоставляют личности Божией, оттого, что бесконечное царство духа меряют маленьким масштабом своих моральных положений, которые они ошибочно принимают за нравственные» [8]. Впрочем, согласно воспоминаниям И.И. Панаева, такая точка зрения давалась Белинскому с большим трудом: «Лермонтов с своим демоническим и байроническим направлением никак не покорялся этому новому воззрению. Белинского это очень мучило... Он видел, что начинающий поэт обнаруживает громадные поэтические силы; каждое новое его стихотворение в «Отечественных записках» приводило Белинского в экстаз, – а между тем в этих стихотворениях *примирения* не было и тени!» [9].

Однако не только творческий человек был предметом рассмотрения в «Отечественных записках». Интерес к философии творческой личности обуславливался интересом к философии личности вообще. В чем предназначение и смысл жизни человека? Бестужев-Марлинский в неоконченном романе «Вадимов» изображает терзания героя, слишком поздно осознавшего свое предназначение: «Итак, я должен умереть, умереть неизбежно, бесславно, в цвете лет, в расцвете надежд моих!... Ужасно!... И эта рука, для которой тяжкая сабля была легка как перо, которою становился я на колени буйвола, чрез день не в силах будет сбросить могильного червяка; и эта полная грудь, на которой могла бы покоиться голова любимой женщины, лелеясь нею в сладких мечтаниях, – эта грудь будет придавлена гробовою доскою, и сердце мое... о мое сердце! неужели и оно распадется прахом? неужели пламень, его оживлявший, погаснет в тлении? неужели черви земли поглотят его небесные чувства? неужели гробовой гвоздь может прибить к гробу дух мой, а всемогущая могила заклепать навек мои мысли? ужели голова моя, это поле-океан, на котором носились они, станет их гробом, и свет не услышит высоких песен, звучавших только для моего слуха, – и люди не наследуют торжественных глаголов, которые так долго хранил я в себе, и лелеял, и растил невысказанные?... Безумец я! преступник я! Для того ли был дан мне талант, чтоб я зарыл его в землю, в грудь мою?... Я уж земля!... И я-то за земные побрякушки отдал звезды небес, продал первородство за чечевицу, на скудельное творение

променял дар неба!...» [10]. О своем предназначении в ночь перед дуэлью размышляет и Печорин: «Пробегаю в памяти всё мое прошедшее и спрашиваю себя невольно: зачем я жил? для какой дели я родился?.. А, верно, она существовала, и, верно, было мне назначение высокое, потому что я чувствую в душе моей силы необъятные... Но я не угадал этого назначения, я увлекся приманками страстей пустых и неблагодарных; из горнила их я вышел тверд и холоден как железо, но утратил навеки пыл благородных стремлений, – лучший цвет жизни. <...> И, может быть, я завтра умру!.. и не останется на земле ни одного существа, которое бы поняло меня совершенно. Одни почитают меня хуже, другие лучше, чем я в самом деле... Одни скажут: он был добрый малый, другие – мерзавец. И то и другое будет ложно. После этого стоит ли труда жить? а всё живешь – из любопытства: ожидаешь чего-то нового... Смешно и досадно!» [V, 296].

Последователи гегельянства также размышляли о предназначении личности и видели его в служении долгу, разуму. «Жизнь человеческая, – писал В.Г. Белинский в 1840 году, – разделяется на будни, которых в ней много, и праздники, которых в ней мало. В жизни человека бывают торжественные минуты, в которые все – победа или все – падение, и нет середины. Это минуты борьбы его индивидуальной особенности, требующей личного счастья, или личного спасения, с долгом, говорящим ему, что он вправе стремиться к счастью, или спасению, но не на счет несчастья или гибели ближнего, имеющего равное с ним право и на счастье, если оно ему предоставляется, и на спасение, если ему грозит беда. Воля человека свободна: он *вправе* выбрать тот или другой путь, но он *должен* выбрать тот, на который указывает ему разум» [11]. «Душа должна собраться из безграничной ширины, куда увлек ее пыл юношеских стремлений, и сосредоточиться в глубину; она должна начать жить действительно, и для того связать свою участь с участью какого-либо интереса и закаленная опытом переносить все невзгоды. Все должно быть пожертвовано одному», [12] – говорится в рецензии на сочинения графини С.Ф. Толстой. Лермонтов также изображает людей, готовых всем пожертвовать ради одного:

*Я знал одной лишь думы власть –
Одну – но пламенную страсть:
Она, как червь, во мне жила,*

*Изгрызла душу и сожгла.
Она мечты мои звала
От келий душевных и молитв
В тот чудный мир тревог и битв,
Где в тучах прячутся скалы,
Где люди вольны как орлы.
Я эту страсть во тьме ночной
Вскормил слезами и тоской,
Ее пред небом и землей
Я ныне громко признаю
И о прощеньи не молю [III, 434].*

Другой, не менее важный философский вопрос – это проблема свободы и необходимости. Если исходить из концепции, что все действительно разумно, а все разумное действительно, то все в мире необходимо, все обусловлено, и человек должен подчиниться этой необходимости. «В наше время многие отрицают пребывание «необходимости» в истории, а следовательно, видят в ней не более, как пустую игру случайностей, и, несмотря на это, утверждают пользу истории и называют ее наукою. Но в этом заключается явное противоречие: если всемирная история в самом деле не более как бессмысленный ряд случайностей, то она не может интересовать человека, не может быть предметом его знания и не в состоянии быть ему полезною», [13] – писал М.А. Бакунин, в то время еще рьяный гегельянец и даже монархист.

Лермонтова тоже занимал вопрос о соотношении судьбы (т. е. необходимости), свободной воли и случая. Повесть «Фаталист» и является плодом его размышлений на эту тему. Однако однозначного ответа в ней не дается. Каждый из героев по-своему прав. Прав оказывается фаталист Вулич: кажется, что сама судьба ведет его навстречу гибели, и не случайно пьяный казак, убивший Вулича, на его вопрос: «Кого ты ищешь?» отвечает: «Тебя!», что звучит как пророчество судьбы. Прав и Печорин, который при поимке убийцы полагается не на судьбу и не на случай, а на свою хитрость и ловкость. Прав и Максим Максимыч, не любящий «метафизических прений» и объясняющий осечку пистолета Вулича случайностью.

Если говорить не о философских вопросах личности, а просто об изображении человека, то в целом публикации в журнале можно разделить на два типа. В первых изображается (зачастую сатирически) человек 30-х годов, весь погруженный в быт. Во вторых, напротив, внимание сосредотачивается главным образом на титанической личности, а исто-

рические условия, в которых она действует, в сущности, не очень важны, так как практически на оказывают влияния на формирование этой личности. Второй тип произведений ближе по мироощущению не зрелому Лермонтову, печатавшемуся в «Отечественных записках», а юноше-поэту, которого привлекали неистовые страсти и трагические сюжеты.

По-видимому, наиболее подходящим местом для развития таких сюжетов авторам 30-х годов представлялась Испания. Например, в № 11-12 «Отечественных записок» за 1840 год был напечатан переводной роман «Алонзо» (дата публикации романа свидетельствует о том, что и в конце 30-х и начале 40-х гг. XIX в. читательский интерес к романтической теме отнюдь не угас). Герой романа, Алонзо, молод, страстен и жаждет богатства и славы: «Дон Алонзо долго стоял у окна; целые четыре года весь мир его ограничивался тесною окрестностью, которая открывалась его взору, и он устал уже смотреть на одни и те же предметы. Воображение его улетало далеко, и он ненавидел ту затворническую жизнь, на которую осуждала его деспотическая воля его дяди, и сердце его билось желаньями и надеждами.

– Там, за этими холмами, свет со всеми его радостями и обольщениями, – думал он... – Мне стоит сделать только шаг, и я там... пора бросить эту уединенную жизнь, которая мне нестерпима... Да и что нужно дворянину, чтобы занять место в кругу равных себе? Добрая лошадь, шпага, и только; с этим можно достигнуть всего или умереть на поле чести... А я, Гусман, вместо того, чтоб стремиться за славою и почестями, я провожу здесь жизнь свою, как пустынный... Этому ли учился я в доме отца моего? О, ненавистное уединение, ненавистная тюрьма, в которой заключено не только мое тело, но и дух мой! Пусть только настанет день освобождения, и тогда пусть Бог осудит меня жить вечно в этих стенах, если я когда-нибудь возвращусь сюда!» [14]. Однако, получив желаемое и даже добившись расположения самой инфанты, Алонзо не колеблясь жертвует всем этим ради любви к еврейке Саре. Ревнивая инфанта приказывает казнить влюбленных. Отдельные мотивы романа оказываются близки ранней юношеской драме Лермонтова «Испанцы» (честолюбивый молодой испанец, наделенный сильным характером; несчастная любовь, заканчивающаяся гибелью; верность и душевное благородство еврейки). Все это свидетельствует о

том, что в 30-е гг. подобные представления об Испании стали расхожим штампом не только в России, но и в Западной Европе. Именно поэтому Лермонтов и Шарль Рейбо (автор романа «Алонзо») независимо друг от друга и в разное время создали похожие образы Испании.

Если же трагический герой жил и действовал не в отдаленную историческую эпоху, а был современником автора, то он изображался как существо, стоящее выше своего окружения, непонятое и отторгнутое обществом. В его жизни непременно должны были произойти некие трагические события, о которых он предпочитает умалчивать. Например, в двух стихотворениях, напечатанных в № 9-10 / 1840, изображается именно такой герой:

В. Красов

Элегия

*При сильных страданьях, при едкой печали,
Когда же вы слезы мои замечали?
Когда же я плакал, стонал иль роптал?
Быть может, – то правда, – над свежей
могилой,
Привлекши меня роковой своей силой –
За жертву я жизнь вопрошал.
Быть может, как мать над сыном
стонала
И с воплем во гробе его целовала,
Отец же с печалью немою глядел –
Я плакал, я слез удержать не умел;
Быть может, из сердца раз вырвались
стоны
При тихом стенанье другой Дездемоны;
Но все о себе я же слез не пролью,
Но я нераздельно несу мое горе, –
Пусть воет, пусть вывет житейское море
Мой парус последний и топит ладью!...
Когда-то в другие, безумные годы,
В порывах стремительных сил –
Я смело сзывал на главу непогоды,
Мятежные бури любил! [15]*

Ф.

Меланхолик

*Я помню детство: в радужных лучах
Жизнь предо мной роскошно расстилалась,
Взор отдыхал на розах, – а в мечтах
Лишь радость новой радостью сменялась.*

*Любви жилищем мне казался свет,
А люди все казались друзьями.*

*Я лепетал им радости привет,
И вдаль спешил с надеждой и мечтами.*

*Шли годы, тускнул мир – седая даль
От взоров скрыла чудные виденья;
Глубоко в сердце вгрызлася печаль,
Стеснило грудь мне тяжкое сомнень.*

*В немой тоске печально жизнь влачу,
Живу один, без цели, без участия.
Я счастья безумцев не хочу,
Не находя знакомого мне счастья!*

*И где ж она? – где люди? – где любовь?
Где светлые весны моей картины?
Душа болит – и в сердце стынет кровь,
И я прошу у жизни лишь кончины [16]*

Подобный взгляд на жизнь был характерен в основном для раннего Лермонтова. В его лирике 1828-1836 гг. лирическое «я» поэта предстает одиноким, разочарованным в жизни. Ср.:

*Все проклял он как лживый сон,
Как призрак дымных мечты.
Холодный ум, средь мрачных дум,
Не тронут слезы красоты.
Везде один, природы сын,
Не знал он друга меж людей:
Так бури ток сухой листок
Мчит жертвой посреди степей!..
(«Портреты», 1829; I, 16–17)*

*Другой [человек] узнал, казалось, жизни
зло;
И разорвал свои надежды сам.
Высокое и бледное чело
Являло наблюдательным очам,
Что сердце много мук перенесло
И было прежде отдано страстям.
Но, несмотря на мрачный сей удел,
И он как бы неволью жить хотел.
(«Чума», 1830; I, 151)*

*И что ж, взгляни на бледный цвет чела.
На нем ты видишь след страстей уснувших,
Так рано обуйавших жизнь мою;
Не льстит мне вспоминанье дней минувших,
Я одинок над пропастью стою,
Где все мое подавлено судьбою...
(«К***» («Дай руку мне, склонись к груди
поэта...»), 1831; I, 311)*

Однако в дальнейшем Лермонтов будет стремиться к объективному изображению

своего героя, изображая его не в условных романтических декорациях, а в быту. И поэтому особенно интересно сопоставить его зрелые произведения со светскими повестями конца 30-х гг.

При рассмотрении, например, таких повестей, как «Влюбленный лев» Фредерика Сулье («Отечественные записки», № 11, 1839 г.), «Незнакомка» Скриба («Отечественные записки», № 1, 1840 г.), «Большой свет» и «Лев» Вл. Соллогуба («Отечественные записки», № 3, 1840 г. и № 3, 1841 г.), становится ясно, что авторы ставили себе цель развенчать то или иное явление светской жизни, показать его пустоту, напыщенность или глупость. Например, Фредерик Сулье иронизирует над стремлением светских львов все делать напоказ: «Действительная страсть, по природе своей, бывает скрытна и скромна; их же страсти, напротив, явные, и они стараются как можно больше выказывать их. Они величаются своими любовницами точно так же, как своими великолепными каретами, и обедают у окон парижских кофейных домов потому только, что это самое видное место в столице. Они пьют не для того, чтобы напиться, а для того только, чтоб осушить как можно более бутылок.

Итак, «львы» вообще очень мало знакомы с любовью, с глупостями, внушаемыми страстью, с безумными надеждами, с пустыми опасениями и со всеми этими прелестными вздорами, которые для нас, профанов, заключают в себе столько горя и столько радостей» [17].

Жорж, герой повести «Незнакомка», произносит саморазоблачающий монолог: «Нет, я не был счастлив. Час рассудка тогда не наступил еще; во мне кипела тогда злость, досада; самолюбие мое было унижено, и я, перешед от любви к ненависти, дышал одним мщением. Я отдал бы все на свете, чтоб только понравиться одной из этих дам, гордых, недоступных, не для того, чтоб удостоиться их любви, но чтоб иметь случай пренебрегать ими, унижить их в свою очередь! Вы видите, что приобрел я, едва прикоснувшись к свету... Я был все так же безрассуден, так же заносчив, как и прежде, и, сверх того, сделался зол» [18].

Далее герои всех перечисленных выше повестей проходят испытание любовью. В «Незнакомке» любовь помогает Жоржу изменить свои взгляды на светскую жизнь и обрести подлинное счастье. В «Большом свете» Леонин забывает свою невесту Наденьку ради ее старшей сестры, коварной кокетки, и в конце концов его ждет жестокое разочарование. В

повести «Лев» любовь главного героя выведена в сатирическом ключе: он хочет жениться на провинциальной барышне из-за денег, но ухаживает за светской дамой ради поддержания своей репутации «льва». Однажды обе героини являются в маскарад в одинаковых костюмах, и «лев», перепутав их, выставляет себя в невыгодном свете перед обеими.

Таким образом, отношение авторов светских повестей к своим героям однозначно: их мнимый «героизм» подвергается разоблачению, пороки осуждаются, а сами герои могут быть представлены в комическом свете. В лермонтовских же повестях, напечатанных в «Отечественных записках» и впоследствии составивших роман «Герой нашего времени», отношение к главному герою – Печорину – гораздо сложнее. С одной стороны, автор осуждает его как «нравственного калеку», а с другой – Печорин в чем-то близок самому Лермонтову, и поэт не скрывает своей «эстетической симпатии» к нему. Печорин соединяет в себе черты как трагических героев из романтических произведений, так и «львов» из светских повестей. Он является трагическим героем в быту, и в этом его необычность по сравнению с персонажами других произведений, печатавшихся в «Отечественных записках». Не случайно именно образ Печорина вызвал такую бурную полемику. Отсутствие однозначной авторской оценки дало повод некоторым критикам (в частности, С.А. Бурачеку) сделать вывод о том, что Лермонтов оправдывает своего героя и что роман представляет собой апологию пустого, бездушного, циничного и развращенного светского человека.

Рассмотрение творчества Лермонтова в контексте его журнальных публикаций показывает, что произведения поэта выделялись на общем фоне «Отечественных записок». «Лермонтовский человек», хоть и был порождением своей эпохи, все же во многом опережал ее. Если писателей конца 30-х гг. еще интересовали необычные, титанические личности, оторванные от реальной жизни, то для Лермонтова это был уже пройденный этап. Не мог поэт удовлетвориться и сатирическим изображением бытовых подробностей жизни (хотя некоторые персонажи, например Грушницкий, изображены явно сатирически).

Творчество Лермонтова имело переклички и с философскими вопросами, затрагиваемыми в журнале, и здесь Лермонтов проявил себя как оригинальный мыслитель, создавший

свою концепцию человека. Если философы-гегельянцы в своих построениях исходили из всеобщего, из некоей абсолютной истины, которой человек должен был подчиниться, из понятия необходимости, то Лермонтова занимала проблема свободы личности и свободы творчества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Никитина Н.С. «Отечественные записки» // Лермонтовская энциклопедия / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом); Науч.-ред. совет изд-ва «Сов. Энцикл.» – М.: Сов. Энцикл., 1981. – С. 357-359. – С. 357.
2. Панаев И.И. Литературные воспоминания. – М.: Правда, 1988. – С. 158.
3. Якубович Л. Проявление мысли // «Отечественные записки». – 4. – 1839. – Отдел III. – С. 100.
4. Лермонтов М. Ю. Полное собрание сочинений: В 5 т. – М.; Л.: Academia, 1935–1937. Т. 2, с. 73-74. В дальнейшем цитируется по этому изданию, сразу после цитаты римской цифрой обозначен том, арабской – страница.
5. Ф. Собираетелям моих элегий // «Отечественные записки». – 2. – 1840. – Отдел III. – С. 141.
6. -ва. «Нет, не им твой дар священный!» // «Отечественные записки». – 3. – 1840. – Отдел III. – С. 82-83.
7. Белинский В.Г. Менцель, критик Гете. // «Отечественные записки». – 1. – 1840. – Отдел II. – С. 25-64. – С. 41.
8. Там же. – С. 57.
9. Панаев И.И. Цит. соч. – С. 225.
10. Бестужев-Марлинский А.А. Отрывок из романа «Вадимов» // «Отечественные записки». – 1. – 1839. – Отдел III. – С. 74-84. – С. 79.
11. Белинский В.Г. Цит.соч. – С. 50.
12. Сочинения в стихах и прозе графини С.Ф. Толстой // «Отечественные записки». – 9. – 1840. – Отдел V. – С. 15-50. – С. 19.
13. Бакунин М.А. О философии // «Отечественные записки». – 4. – 1840. – Отдел II. – С. 55-78. – С. 58.
14. Рейбо Ш. Алонзо // «Отечественные записки». – 11-12. – 1840. – Отдел III. – С. 225-264. – С. 234.
15. Красов В. Элегия // «Отечественные записки». – 9-10. – 1840. – Отдел III. – С. 230.
16. Ф. Меланхолия // «Отечественные записки». – 9-10. – 1840. – Отдел III. – С. 258.
17. Сулье Ф. Влюбленный лев // «Отечественные записки». – 11. – 1839. – Отдел III. – С. 214-272. – С. 215.
18. Скриб. Незнакомка // «Отечественные записки». – 1. – 1840. – Отдел III. – С. 86-159. – С. 94.

УДК 82.09 (571.56)

Руфова Е.С.

Северо-Восточный Федеральный университет
им. М.К. Аммосова (г. Якутск)

ИНОНАЦИОНАЛЬНЫЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ТРАДИЦИИ В ТВОРЧЕСТВЕ РУССКОЯЗЫЧНЫХ ПИСАТЕЛЕЙ ЯКУТИИ НАЧАЛА XX ВЕКА *

Аннотация. Статья посвящена проблеме влияния инонациональных литературных традиций на зарождение и становление русскоязычной литературы Якутии. На примере творчества якутского русскоязычного писателя Н.Д. Неустроева раскрывается воздействие творчества М. Горького на якутских писателей, что выражается в общем гуманистическом отношении к жизни, в понимании сущности нового человека, в умении связать жизнь отдельного человека с масштабами времени. Творчество первых писателей Якутии во многом развивалось под прямым воздействием именно М. Горького, идейно-тематическая направленность творчества, которого оказалась особенно близка, узнаваема, а художественные формы более доступны.

Ключевые слова: русская литература Якутии, инонациональные литературные традиции, литературные взаимосвязи, сравнительное литературоведение, творчество, начало XX века.

E. Rufova

North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov (Yakutsk)

OTHER NATIONAL LITERARY TRADITIONS IN YAKUTIA RUSSIAN WRITERS WORKS OF BEGINNING OF THE 20TH CENTURY

Abstract. The problem of the influence of other national literary traditions on the emergence and formation of Russian literature of Yakutia is being discussed in the article. In the case of N. Neustroev prose is revealed the impact of M. Gorky's works on the Yakut writers, which is

* © Руфова Е.С.